

ГАСТРОЛИ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

ТЕАТР ИНДИВИДУАЛЬНОСТЕЙ

Пожалуй, для любого театра не составят труда ответить на вопрос о том, что такое актерский ансамбль. Прежде всего — это творческий коллектив индивидуальностей, объединенных привязанностью к одной актерской школе, индивидуальностей близко чувствующих, мыслящих одними эстетическими категориями. Это определение будет справедливо применительно ко многим прославленным театральным коллективам. Не исключение в этом смысле и Большой драматический театр имени М. Горького.

И все же. Стоит только назвать имена ведущих актеров БДТ — скажем, таких, как Евгений Лебедев, Владислав Стрельчик, Эмилия Попова, Олег Борясов, Зинаида Шарко, Олег Басилашвили, — как тутчас в нас поселяется сомнение: возможно ли? Возможно ли, чтобы столь равноплановые, столь своеобразные индивидуальности, сохранив свою органику, объединились в тот самый, привычно мыслимый нами актерский ансамбль? И первый аргумент против — чуть ли не каждый актер в труппе БДТ по сути своей премьер, то есть актер, способный реализовать не только образ своего героя, но и выразить идею всего спектакля.

Да, БДТ — актерский театр, без сомнения. Но именно потому, что еще это (а возможно — прежде всего) театр парадоксального режиссерского мышления, и оказался столь жизнеспособным этот необычный конгломерат талантов, каждому из которых было бы под силу стать магнетическим центром для любой первоклассной труппы на любой первоклассной сцене.

Творческий коллектив немалым без традиций. А БДТ традиционен своей нетрадиционностью. На его сцене идет немало спектаклей по пьесам, неоднократно ставившимся и другими театрами. И это столь же естественно, сколь естественно первооткрывательство «своей» драматургии. Но при тех особенностях труппы, о которых мы уже говорили, казалось бы, ливную долю репертуара должны составлять спектакли с минимумом действующих лиц, скажем, такие, как «Кроткая». Однако в БДТ все обстоит иначе. Даже по гастрольной афише ленинградцев мы с очевидной ясностью представляем несорбимое стремление этого коллектива работать с драматургией, насыщенной характерами.

«Тихий Дон», «Мещане», «Волки и овцы», «Мы, живеводписавшиеся», «Пяничный клуб» — все это спектакли не для одного или двух-трех актеров, а именно для ансамбля. А вот каким по характеру будет этот ансамбль, определяет сам театр.

Это ансамбль, безусловно, нетрадиционный, основанный на столкновении индивидуальностей. А его органичность, смысловая и психологическая достоверность основывается на том, что столкновения актерских индивидуальностей лежат в той же плоскости, что и столкновения сценических характеров. И не этим ли обстоятельством объясняется еще одна традиция БДТ — создавать спектакли для одного актерского состава.

Несколько лет назад, участвуя в дискуссии о проблемах актерского мастерства на страницах журнала «Театр», Георгий Товстоногов так пояснил эту творческую позицию своего коллектива:

«Не могут по одним и тем же рефлексам существовать две разные личности. Решенье спектакля для меня всегда связано с конкретной личностью. Только Дороница могла сыграть ту Софью, которая у нас была в нашем «Горе от ума». Особенность ее актерского темперамента позволяла играть эту роль так, как было необходимо для трактовки всей пьесы. И изменить ее оказалось просто невозможно; терялся весь строй спектакля, терялась

внутренняя система взаимоотношений, пропадали не поддерживаемые ее характером многие важные черты Чацкого и Молчалива. А если все же хотеть, чтобы в спектакле было два состава исполнителей; то нужно просто делать два разных спектакля».

И вновь — парадокс. Столкновение творческих индивидуальностей, сценических характеров, а в то же время — поразительная, неразрешимая их связь в спектакле. А пример с Татьяной Дорониной и ее Софьей, приведенный Товстоноговым как самый показательный, возможно, именно потому, что с уходом актрисы из театра и спектакль был снят из репертуара, тем не менее всего лишь один из многих. В этом мы убедились хотя бы на таких гастрольных спектаклях БДТ, как, например, «Мещане» М. Горького и «Цена» А. Миллера. Столь же немалым а заменю Евгения Лебедева в роли Бессеменова, как и Владислава Стрельчика в роли Григория Соломона. И не только потому, что актеры создали сугубо «свои» образы на имеющемся драматургическом материале, а в силу возникших взаимодействий этих героев с остальными действующими лицами спектакля.

В чем неожиданность творческой индивидуальности Евгения Лебедева, столь ярко, бурно, почти необузданно проявившейся в его Бессеменове? Но, может, стоит начать с другого? А кто он, собственно, Бессеменов, этот стопроцентный продукт мещанской среды, плоть ее и кровь, ее детище и ее ревностный хранитель, воинствующий проповедник ее психологии?

Вот он по-хозяйски развалился за своим столом, в своем доме, поучает детей своих, от всех ждет послушания, почтения, повиновения. И не получая ожидаемого, обрушивается на всех почти звериной ненавистью. Но почему тогда эта ненависть, это самодурство прерываются вдруг такой ослепляющей тоской в глазах, а истерика обращается в сознанием своего полного бессилия перед кем? Только ли перед детьми, перед жизнью, которая и не заметит такого Бессеменова, сметет, раздавит, перед приемшем Нилом, который хоть и чужое семя, но тем лаче не волен протягивать его бессеменовской воле? Бессеменов Лебедева бессильно и перед самим собой. Его житейское здравомыслие вступает в конфликт с тем, что он видит вокруг и что в общем-то способен понять. Его искреннее желание добра детям, но добра именно в его представлении, обращается во зло.

Так не потому ли эта тоска в глазах, тоска, на которую способен только человек. Именно таким мы и видим на сцене БДТ горьковского героя — человека. Во всех противоречиях именно этого характера, со всеми его червоточинами и изъянами. Бессеменов — мещанин, самодур, кулак, копейки зря не потратит и не устыдится куском хлеба попрекнуть своего же сына. Но наживал он все трудом своим и не для себя — для детей своих. И больно ему, что не понимают его дети. Им бы прижаться, сыграть в любовь к отцу — он бы и такое принял. Не хотят. Не могут. Не будут. И растет боль, которую ничем не залечить, не вытравить из себя. И еще больше раздражает в себе Бессеменов злобу против того, что, по его мнению, уводит детей из отцовского дома.

Не в себе — в других ищет причину своего страдания Бессеменов. На других и обрушивает свой гнев, вызванный почти патологическим чувством неудовлетворенной отцовской любовью.

Так почему же мы так уверенно называем этот образ лебедевским и именно лебедевским? Наши чувства к его герою нельзя назвать

определенными. От неприятия мы переходим к человеческому состраданию, от отрицания — к пониманию. И возможно это благодаря именно той особой актерской индивидуальности, которой наделен Лебедев. Актер острохарактерный, но в то же время вдруг обретающийся на нас такие немалые нюансы душевных состояний, Евгений Лебедев создает образ Бессеменова на грани между бытовым фарсом и истинной трагедией. И грань эта как тончайшая нить почти неощутима, неосознаема. Но она есть. Как есть именно этот человеческий тип, истинно горьковский и истинно лебедевский.

И еще один спектакль БДТ, выключенный в гастрольную афишу — «Цена». И еще один образ, столь созвучный творческой позиции этого театра, созданный другим ветераном БДТ — Владиславом Стрельчиком.

Горьковская драматургия в режиссерской интерпретации Товстоногова — это высшая степень эмоциональных взрывов. Совсем иное в пьесе Миллера, поставленной режиссером Р. Сиротой. Действие пьесы развивается словно в двух ритмах, потому что в разных ритмах живут ее герои. И один из этих ритмов определяет восьмидесятилетий старьевщик Григорий Соломон — герой Владислава Стрельчика. Восемьдесят девять лет — в этом возрасте не спешат, ибо спешить некуда, все прожитое прожито, все в прошлом и все в самом человеке, в закоулках его памяти, его меркнувшего сознания. Его мир — прошлое, со своими устоявшимися принципами и представлениями о долге и порядочности, о значимости и ценности не только вещей, но и душевных свойств, характеров, порывов. А нынешний мир — иной: в нем все быстро, все подвержено изменениям, все может быть разрушено, в нем нет покоя и уравновешенности, нет стабильности. А значит, нет представления об истинной мере всего, что ценно.

Но Соломон не вступает в конфликт с этим миром. Его роль в спектакле совсем иного свойства. Ибо присей конкретности, детализации образа, создаваемого актером, он преобразуется в символ, некий эталон неискренности жизни, простоты и естественности человеческих взаимоотношений. В образе Соломона для нас концентрируется некое общечеловеческое представление о совести, но не той совести, что пробуждается в душевных муках, страданиях и преодолении себя. Это совесть, рождающаяся вместе с человеком, бесценная сама по себе и в то же время имеющая ценность непреходящую. Ибо эта совесть и есть сам человек.

Умрет Григорий Соломон, унося с собой все, что нажил в старом мире. Но все ли? Истинные ценности не умирают и не исчезают бесследно...

Владислав Стрельчик в БДТ, пожалуй, самый театральный актер: импозантная внешность, гордая посадка головы, голос, звучащий как будто над вами, фиксируемые жесты. Стрельчик не изменяет своей творческой индивидуальности и в этом спектакле, в этой роли. Его лоза величественна, когда он говорит о своей профессии. Сам по себе этот монолог несколько комичен, комичен вдвойне потому, что актер вовсе не вышучивает своего героя. Но это — немощность мгновения. Она может вспыхнуть еще не раз, однако вновь озарится в нашем сознании человеческой добротой мудрой старости. И вновь — как прозрение — мысль: какая точность в выборе актера, именно такой Григорий Соломон может замкнуть на себе те видимые и потаенные конфликты, которые существуют между немногочисленными героями миллеровской пьесы.

Т. ПОЖАРСКАЯ